

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание посвящено содержанию и итогам работы Международной научной конференции по проблемам прогнозирования российской экономики, которую провел Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН) 21 и 22 октября 2015 г. Конференция приурочена **к 80-летию со рождения Ю.В. Ярёменко (1935-1996)**. В работе Конференции приняли участие ученые из России (выступали представители московских, новосибирских, дальневосточных научных организаций), Китая, США и Франции.

К началу работы Конференции был издан одготомник *избранных работ Ю.В. Ярёменко*¹, содержащий изложение его теории развития многоуровневой экономики, которая не только выявила фундаментальные особенности экономики СССР, но и позволяет объяснить масштабные деструктивные последствия начального этапа экономических реформ в России. Практическая значимость гипотез Ю.В. Ярёменко о характере межотраслевых взаимодействий, роли структурных факторов и технологической сбалансированности не только в плановой, но и рыночной экономике раскрывается во включенных в книгу его работах конца 1980 – середины 1990-х годов, в которых он анализирует причины кризиса экономики СССР, дает оценку ходу рыночных реформ в России, обосновывает приоритеты конструктивной стратегии социально-экономических преобразований страны.

Многие теоретические положения и взгляды Ю.В. Ярёменко на содержание экономической политики государства не утратили актуального звучания и сегодня. Поэтому редколлегия сочла важным предварить публикацию материалов, представленных на Конференцию, кратким обзором научной биографии Ю.В. Ярёменко, которая оказалась неразрывно связанной со становлением научной деятельности

¹ Ярёменко Ю.В. *Об экономике / Отв. ред. В.В. Ивантер. М.: МАКС Пресс, 2015. 272 с.*

ИНП в 1987-1996 гг., когда он был его директором (см. ниже Кувалин Д.Б., с. 8).

Напомнить позицию по формированию российской экономики, вполне созвучную и нынешнему состоянию, позволит и публикация фрагментов последней незавершенной рукописи Ю.В. Ярёмко «Экономический рост. Структурная политика» (см. ниже с. 23)

В книге дается подробный обзор выступлений участников конференции 21 и 22 октября 2015 г.

Публикуются письменные доклады (тезисы) российских и зарубежных ученых, которые поступили в адрес оргкомитета Конференции.

Работа Конференции в течение 2-х дней представляла собой научную дискуссию по трем направлениям.

В первый день **21 октября** прошли следующие сессии:

Сессия 1: «Анализ и прогноз развития экономики современной России»

Открытие Конференции и выступления:

В.В. Ивантер, акад. РАН

А.Г. Аганбегян, акад. РАН

А.Д. Некипелов, акад. РАН

В.С. Панфилов, проф. ИНП РАН

В.М. Лопухин, ген. директор ООО «НАВИН»

Сессия 2: «Анализ и прогноз развития экономики Китая и перспектив экономических связей с Россией»

Выступления, доклады

В.А. Ясинский, Евразийский Банк Развития

Ли Шантун, Исследовательский институт при Госсовете КНР

М.С. Гусев, ИНП РАН

А.В. Островский, Институт Дальнего Востока РАН

В.Я. Портяков, Институт Дальнего Востока РАН

Н.Н. Котляров, проф., Российско-китайский научный финансово-экономический центр при Финансовом университете при Правительстве РФ

2-й день, 22 октября

Сессия 3. «Инструментарий моделирования экономического развития и информационное обеспечение прогнозов».

Доклады:

В.В. Семикашев, ИНП РАН

«Сравнительный анализ прогнозов развития мировой энергетики и формирование сценариев для прогнозирования перспектив добычи нефти и природного газа»

Клоппер Алмон, проф., Университет штата Мэриленд, США.

«Межотраслевые модели Inforum: происхождение, эволюция и решение проблем»

Э.Ф. Баранов, НИУ ВШЭ

«Методологические проблемы информационного обеспечения кратко- и среднесрочного прогнозирования»

В.А. Сальников, ЦМАКП ИНП

«Прогнозирование развития реального сектора в России: проблематика и инструментарий на современном этапе»

Н.Н. Михеева, ИНП РАН

«Использование модельного инструментария в прикладных региональных исследованиях: возможности и ограничения»

А.О. Баранов, Новосибирский государственный университет

«Использование системы моделей КАМИН для прогнозирования российской экономики»

С.Ю. Глазьев, акад. РАН

«Проблемы прогнозирования денежно-кредитной политики»

А.А. Широков, ИНП РАН

«Проблемы межотраслевого моделирования и прогнозирования в современных условиях»

В связи с Юбилейной конференцией Институтом был объявлен конкурс работ молодых ученых. Работы победителей конкурса (1-3 места) опубликованы в журнале «Проблемы прогнозирования» (№ 3; 5, 2016; № 2, 2017) и две работы в настоящем издании (с. 314, 332).

**Ю.В. ЯРЁМЕНКО.
КРАТКАЯ НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ***

Юрий Васильевич Ярёмченко – один из самых видных отечественных учёных-экономистов последних десятилетий. Его имя не было на слуху у широкой публики, но должное ему отдавали экономисты самых разных и зачастую противоположных научных и идеологических воззрений. Свою исключительную репутацию в профессиональном мире Ю.В. Ярёмченко заслужил как автор теории многоуровневой экономики, как создатель фундаментальной системы макроэкономических расчётов, известной под названием «модель межотраслевых взаимодействий», как один из основоположников российской школы долгосрочного социально-экономического прогнозирования и ключевых разработчиков комплексных программ научно-технического прогресса (КП НТП), а также как выдающийся аналитик, который, по всей видимости, наиболее точно описал реальные механизмы функционирования экономики централизованного планирования (мобилизационной экономики) [1].

Юрий Васильевич Ярёмченко родился 8 августа 1935 г. В 1953 г. он поступил на экономический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, однако диплом о высшем образовании получил не в МГУ, а в Китайском народном университете, куда был переведён в 1957 г. и

* Опубликовано в рубрике «Этюды об ученых» журнала «Вестник РАН», № 9-2015, с. 828-833.

где в 1960 г. закончил экономический факультет. В Китае он не только стал ценителем и знатоком китайской культуры и истории, но и познакомился с малоизвестными в СССР и других европейских странах экономическими механизмами и институтами. Впоследствии это помогло ему лучше осознать логические пробелы традиционных теорий экономического развития и подтолкнуло к тому, чтобы внимательно проанализировать базовые процессы советской экономики. Много позднее оказалось, что гипотезы, выдвинутые и обоснованные Ю.В. Ярёмченко, хорошо объясняют многие базовые процессы не только в плановой, но и в рыночной экономике.

К сожалению, для китаистики и к счастью для экономической науки, профессиональная карьера Юрия Васильевича как специалиста по Китаю была недолгой. Резкое ухудшение советско-китайских отношений вынудило его перейти на работу в только что созданный тогда Научно-исследовательский экономический институт (НИЭИ) при Госплане СССР. Работа в этом институте открыла широкие возможности перед молодым исследователем. Во-первых, НИЭИ как госплановская структура имел доступ к огромному массиву реальной экономической информации, которую в те времена нельзя было найти ни в открытой статистике, ни в научной литературе. Во-вторых, работа на Госплан требовала точного выполнения конкретных задач, умения формулировать чёткие ответы на непростые вопросы и подтверждать их числовыми расчётами, порою весьма и весьма сложными. Всё это обеспечивало высокий уровень исследовательской и исполнительской культуры сотрудников НИЭИ. В-третьих, в те времена в НИЭИ сложилась высококвалифицированная и активная исследовательская команда, из которой вышли такие будущие «звёзды» отечественной экономической науки, как А.И. Анчишкин, О.Т. Богомолов, Э.Б. Ершов, Ф.Н. Клоцвог, Н.Я. Петраков, С.С. Шаталин и другие [2].

В НИЭИ Ю.В. Ярёмченко проработал с 1960 по 1973 г., занимаясь проблемами экономической динамики и структурных сдвигов в народном хозяйстве СССР. В этот период он написал свои первые работы, имевшие большой резонанс в научной и вузовской среде. В 1963 г. вышла в свет книга Ю.В. Ярёмченко и Б.П. Плышевского «Закономерности движения общественного

продукта и национального дохода», а в 1967 г. – книга в соавторстве с А.И. Анчишкиным «Темпы и пропорции экономического развития». Результаты оценило, в том числе и институтское начальство, предложив Ю.В. Ярёмченко возглавить подразделение с многозначительным названием «Сектор методики народнохозяйственного прогнозирования и сводных расчетов». Впоследствии Ю.В. Ярёмченко стал общепризнанным в стране лидером именно этого научного направления.

В какой-то момент жёсткие рамки госплановских исследований стали тесны Юрию Васильевичу, и он перешел на работу в Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ АН СССР). В стенах ЦЭМИ им была написана еще одна знаменитая книга – «Структурные изменения в социалистической экономике». Правда, в 1981 г. она подверглась свирепой редакторской цензуре, сократившей объем текста на треть и местами значительно обеднившей идеи автора. В полной версии под авторским названием «Теория и методология исследования многоуровневой экономики» книга вышла в свет уже только после смерти академика [3].

В начале 1980-х годов Ю.В. Ярёмченко стал ключевой фигурой и во многом идейным лидером разработки так называемых комплексных программ научно-технического прогресса СССР. В сущности, это были первые отечественные комплексные прогнозы социально-экономического развития, которые разрабатывались на 20-летнюю перспективу и имели несколько сценариев.

В 1986 г. Ю.В. Ярёмченко перешёл в отпочковавшийся от ЦЭМИ Институт экономики и прогнозирования научно-технического прогресса (ИЭП НТП АН СССР), который впоследствии был переименован в Институт народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН. В 1987 г. Юрий Васильевич занял должность директора института и руководил им вплоть до своей безвременной кончины 18 сентября 1996 г.

Академическое сообщество по достоинству оценило научные заслуги Ю.В. Ярёмченко, избрав его в 1987 г. членом-корреспондентом АН СССР, а в 1994 г. – действительным членом РАН. Надо отметить, что многие ветераны экономической науки считают официальное признание заслуг учёного заметно опоздавшим [4, с. 11].

Перечень наиболее значимых исследовательских результатов Ю.В. Ярёмко довольно длинен. Первое место в этом списке занимает теория многоуровневой экономики (сам Юрий Васильевич никогда не называл совокупность своих взглядов на многоуровневую экономику теорией), в рамках которой национальная экономика рассматривается как пирамидальная технологическая структура [3; 5]. На её нижнем уровне находятся массовые ресурсы – низкокачественные, низкопроизводительные, но зато дешёвые и, как правило, легкодоступные. Верхним уровням пирамиды соответствуют связанные на высокие технологии качественные ресурсы – гораздо более производительные, но и заметно более дорогие, а в целом ряде ситуаций – остродефицитные. В такой интерпретации экономическое развитие страны представляет собой поступательное перемещение производственных единиц с нижних уровней на верхние. Соответствующий этому развитию процесс замены низкокачественных ресурсов высококачественными Ю.В. Ярёмко называл замещением.

Однако в реальной жизни гармоничное и бесперебойное движение вверх происходит нечасто. Различные проблемы – слабые институты, неудачная экономическая политика, финансовые ограничения, внешние шоки и т.п. – вызывают значительные структурные перекосы, создающие дополнительные напряжения в системе. В этих случаях приходится компенсировать недостаток необходимых качественных ресурсов повышенным расходом рядовых массовых ресурсов (первичное сырьё, энергия и материалы, неквалифицированная рабочая сила, простейшие виды оборудования и др.). Вытеснение качественных ресурсов массовыми Ю.В. Ярёмко называл процессами компенсации. Соотношение между процессами замещения и компенсации определяет темпы и качество экономического роста в стране.

Как отмечали коллеги Юрия Васильевича, «его взгляды могли бы образовать новое направление экономической теории, отличающееся от теорий, основанных на постулате равновесия спроса и предложения... его позицию можно с полным правом назвать ответом российской экономической мысли на исторический вызов эпохи (в отличие от идей, заимство-

ванных с Запада)» [4, с. 14, 12]. Думается, теоретики ещё вернутся к идеям академика, догадки которого затронули наиболее глубокий срез базовых экономических процессов.

Еще одна важная научная заслуга Ю.В. Ярёмченко состоит в подробном описании реальных механизмов функционирования плановой экономики – результат многолетнего анализа и стремления разобраться в истинных движущих силах этой системы.

Большинство советских политэкономов пытались описать экономику централизованного планирования, отталкиваясь от своих представлений о ее желательном образе. Иначе говоря, они описывали плановую экономику такой, какой она должна быть в идеале, а не какая она есть на самом деле. Конечно, в какой-то мере такая позиция советских теоретиков объяснялась цензурными ограничениями – говорить о коренных проблемах и недостатках плановой экономики было очень непросто.

Юрия Васильевича такой подход не устраивал. Он рассматривал плановую экономику как систему со сложной иерархической структурой, представлявшую собой конгломерат властных групп и ведомств с различными интересами, активно конкурировавших между собой в административной борьбе за доступ к ресурсам. Принципы существования и механизмы функционирования этой системы во многом определялись внеэкономическими целями и задачами. Направления развития плановой экономики также, как правило, определялись не экономическими мотивами, а целевыми показателями, набор и иерархия которых устанавливались исходя из субъективных предпочтений верховной власти. Необходимые для производства ресурсы распределялись между отраслями не по принципу экономической эффективности, а в соответствии с уровнем влияния конкурирующих ведомств. Именно поэтому, подчёркивал Ю.В. Ярёмченко, львиная доля высококачественных ресурсов советской экономики всегда была сосредоточена в оборонном секторе, которому руководители СССР, борющиеся за глобальное влияние, традиционно уделяли наибольшее внимание [6, с. 38].

Роль верховного арбитра в конкуренции за ресурсы и цементирующего систему института играли высшие органы КПСС, а практическую работу по балансированию экономических пропорций выполняли такие государственные ведомства, как Гос-

план, Госснаб и др. Тем не менее, поскольку амбиции ведомств превышали объём наличных ресурсов, полностью согласовать ведомственные интересы и найти разумный компромисс при составлении плана почти никогда не удавалось. Это вело к возникновению значительных структурных диспропорций, которые неизменно затрудняли процессы развития в плановой экономике.

Особенно сильно структурные диспропорции стали обостряться, когда роль КПСС как главного центра принятия решений в экономике начала ослабевать. Это обстоятельство позволило ведомствам подмять распределение ресурсов под себя, что серьёзно деформировало логику развития советской экономики, приведя к утрате части разумных целевых установок. Как отмечал Ю.В. Ярёмченко, в этих условиях советская экономика из системы, решавшей более или менее рациональные задачи, во многом превратилась в «пространство для расширения бюрократических структур того или иного административного монстра». В результате «наше общество было больше похоже не на Европу или Америку, а скорее на древний Египет, где строительство пирамид являлось цементирующим элементом всей египетской цивилизации» [6, с. 27].

Ю.В. Ярёмченко указывал и на сильные стороны централизованной экономики, в частности, на её способность быстро концентрировать ресурсы, необходимые для решения отдельных крупных проблем – военных, производственных, социальных, и в короткие сроки достигать поставленных целей. Подчёркивая это обстоятельство, он часто использовал другой термин для изучаемого им объекта – мобилизационная экономика.

Несмотря на жёсткие характеристики, которые Ярёмченко давал советской экономике, он категорически не соглашался с моделью ее реформирования, выбранной в 1990-е годы. С его точки зрения, нам надо было идти совершенно другим путём, настойчиво, но в то же время аккуратно и постепенно устраняя диспропорции, причём в основном за счет механизмов централизованного управления. Говоря о реформе советской плановой экономики, Ярёмченко «никогда не делал радикальных выводов в духе «созидательного разрушения». Наоборот, он всячески подчёркивал необходимость отношения к экономике как к живому организму, базирования реформы на знании ее внут-

ренного устройства» [5, с. 5]. Запустить механизмы рыночного самодействия на полную мощность учёный считал возможным лишь через 15-20 лет структурных преобразований. В качестве необходимых и целесообразных элементов реформы советской системы хозяйствования он рассматривал такие меры, как достаточно длительное сосуществование в российской экономике двух секторов – централизованно регулируемого и рыночного, проведение протекционистской политики по отношению к внутреннему рынку, регулирование цен на базовые энергоресурсы, быстрое развитие жилищного строительства на основе активной государственной поддержки, рациональную конверсию оборонного комплекса и т.д. [6-8].

Разработку полноценной альтернативной программы реформ для России, хорошо аргументированной и детально проработанной, также следует рассматривать как одну из важных научных заслуг академика. Эта программа в различных модификациях неоднократно предлагалась вниманию высших органов государственной власти, министерств и ведомств, политических партий. Иногда аргументы Юрия Васильевича все-таки достигали ушей начальства, и оно частично соглашалось с ними. В 1991 г. Ю.В. Ярёмко даже был назначен экономическим советником Президента СССР М.С. Горбачёва. Однако, к сожалению, реально востребованными оказались только отдельные программные предложения, разработанные под его руководством.

К числу важнейших научных результатов Ю.В. Ярёмко следует отнести разработку такого фундаментального инструмента макроэкономического анализа и прогнозирования, как модель межотраслевых взаимодействий. «Отталкиваясь от общепризнанной системы «затраты – выпуск» (межотраслевой баланс производства и распределения продукции), разработанной лауреатом Нобелевской премии В.В. Леонтьевым, Ю.В. Ярёмко предложил свою модификацию модели, вытекающую из его представлений о причинах, содержании и характере структурных сдвигов в экономике и ориентированную на проведение прикладных прогнозных расчётов» [2].

Данная модель обладала многими достоинствами. В-первых, это была хорошо интегрированная система комплексных расчётов, которая позволяла получать детализированные

и структурно богатые оценки при анализе и прогнозировании динамики различных макроэкономических процессов. Во-вторых, в рамках этой модели Ярёмко одним из первых в стране объединил балансовые и эконометрические методические подходы. В-третьих, это был реально действующий и выдающий на-гора многочисленные результаты инструментарий, а не умозрительная теоретическая разработка, в общих чертах описанная в научной монографии.

На протяжении последних десятилетий с помощью модели межотраслевых взаимодействий были выполнены расчёты для множества сценарных прогнозов. Современные модификации этой модели с полным правом можно считать продвинутыми и эффективными инструментами макроэкономического анализа и прогнозирования.

С применением модели межотраслевых взаимодействий во многом связана важная веха научной биографии Ю.В. Ярёмко – активное участие в разработке комплексных программ научно-технического прогресса СССР. С одной стороны, каждая КП НТП, разрабатываемая раз в пять лет, была важным официальным документом, который включал в себя формулировку долгосрочных целевых установок и результаты расчетов, предшествовавших составлению государственных планов развития экономики СССР. С другой стороны, тома КП НТП, посвященные общему замыслу социально-экономического развития СССР, по сути, представляли собой детализированный и структурно богатый сценарный прогноз с 20-летним горизонтом [9].

Именно в процессе разработки КП НТП раскрылся талант Ярёмко как организатора крупномасштабных аналитических и прогнозных исследований. Дело не только в его впечатляющих организаторских способностях (хотя сам Юрий Васильевич был в этом вопросе критичен по отношению к себе, говоря: «Я как администратор не очень – в лучшем случае на тречку»). Мало кто из учёных мог увлечь большие научные коллективы своими идеями, которые были глубоки, нетривиальны и глобальны одновременно. Именно Ю.В. Ярёмко принадлежит авторство многих ключевых идей, которые определяли основные направления развития национальной экономики, заложенные в КП НТП. К числу таких идей, в частности, можно

отнести предложения о структурном маневре с целью перераспределения ресурсов в сферу жилищного строительства и в сферу производства потребительских товаров длительного пользования; о формах масштабного трансфера высоких технологий из оборонного сектора в сектор гражданского машиностроения; о развитии системы «второго жилья» для широких кругов городского населения и многое другое [9].

Не будет преувеличением сказать, что именно под руководством академика Ю.В. Ярёмченко в процессе работы над КП НТП сформировалась полноценная российская школа комплексного социально-экономического прогнозирования, которая рассматривается иностранными коллегами как абсолютно конкурентоспособная на международном уровне. Большинство представителей этой школы – прямые ученики Юрия Васильевича, которые познакомились с идеями академика, слушая потрясающий курс его лекций на экономическом факультете МГУ.

Замечательно написал о Юрии Васильевиче как о человеке один из его молодых коллег: «Как и всякий крупный учёный, он был яркой личностью, с выраженными специфическими чертами характера. Думается, что пребывание в Китае и чтение работ древних китайских философов сильно на него повлияло. Во всем его поведении чувствовалась едва уловимая облагороженность этикетом, стремлением облечь свои слова в вежливую и уважительную форму. Юрий Васильевич был сильным руководителем и при случае мог командовать не хуже генерала Лебеда, но редко пользовался этой способностью. Был раним и обидчив, мог долго помнить обиды. В то же время был великодушен и умел прощать. Часто говорил, что отношения с людьми движутся как бы по синусоиде, и вслед за ухудшением отношений часто следует их улучшение, поэтому никогда не надо делать резких шагов (впрочем, сам он их порой все же делал). Цитируя китайских философов, говорил, что человек должен укрощать в себе бесов, т.е. сильные страсти.

Юрий Васильевич искренне любил науку и уважал людей, в работе которых чувствовалась серьёзная научная мотивация. Таким людям он прощал сложности характера и разные несообразные выходки. В то же время в научном споре занимал жёсткую и принципиальную позицию, не шёл на компромис-

сы. Научное несогласие воспринимал не отвлечённо, а всей своей личностью. Вероятно, этому способствовало чувство ответственности за страну...

Юрий Васильевич, как мог, заботился об институте. За весь постперестроечный период задержка выплаты зарплаты произошла лишь один раз, и то всего на три дня...

Юрий Васильевич крайне негативно относился к теневой экономической деятельности и категорически отказывался от предложений поддержать институт путем передачи наличных денег (такие предложения поступали). Мотивы отказа можно понять из его высказывания о двух высших китайских добродетелях: служить государству и любоваться природой. Много ли в современной России найдётся людей, которые служат государству столь же последовательно и принципиально?» [4, с. 20-21].

Литература

1. *Представление и обсуждение книги Ю.В. Ярёмко "Теория и методология исследования многоуровневой экономики" / Отв. ред. В.В. Ивантер. М.: ИНИП РАН, 1998.*
2. *Сутягин В.С. Академик Юрий Васильевич Ярёмко // Академики-экономисты России. М.: Институт экономики РАН, 1999.*
3. *Ярёмко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997.*
4. *Белановский С.А. Предисловие к книге Ю.В. Ярёмко «Экономические беседы». М.: Центр исследований и статистики науки, 1999.*
5. *Пчелинцев О.С. От поляризованного к сбалансированному развитию (возвращаясь к наследию академика Ю.В. Ярёмко) // Проблемы прогнозирования. 2005. № 5.*
6. *Ярёмко Ю.В. Экономические беседы. М.: Центр исследований и статистики науки. 1999.*
7. *Ярёмко Ю.В. Прогнозы развития народного хозяйства и варианты экономической политики. М.: Наука, 1997.*
8. *Ярёмко Ю.В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. М.: Наука, 1999.*
9. *Комплексная программа научно-технического прогресса СССР на 1991-2010 гг. (по пятилеткам). М.: Изд-во АН СССР, 1988.*

*Клоппер Алмон
(Мэрилендский
Университет, США)*

ВОСПОМИНАНИЯ О ЮРИИ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ЯРЁМЕНКО

Мне откровенно повезло, так как я был знаком с несколькими крупными экономистами моего и более старшего поколения. К ним я бы причислил Фриша, Тинбергена, Самуэльсона, Кузнеца, Эрроу, Солоу, Корнаи и, разумеется, Леонтьева. Их труды были удостоены Нобелевской премии, их имена известны во всем мире. Однако я считаю, что одним из самых ярких экономистов и неординарных личностей из тех, с кем я был когда-либо знаком, – это Юрий Васильевич Ярёмченко.

Звенигород. Начало 80-х годов

Хорошо помню день, когда я впервые встретил Юрия. Стояло лето 1969 года. Станислав М. Меньшиков, заместитель директора ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных

отношений), пригласил мою первую жену, Ширли Алмон, и меня приехать в командировку в институт на неделю, после чего мы планировали слетать в Новосибирск на международную конференцию. Я сделал доклад по модели Inforum на английском языке для довольно большой аудитории в ИМЭМО. Полагаю, что слухи о моем выступлении дошли и до НИЭИ Госплана, так как небольшая группа сотрудников НИЭИ Госплана выразила желание ознакомиться с моими результатами. Так как пропуска в здание Госплана у меня не было, я решил прочесть лекцию для них в том же здании ИМЭМО. Станислав знал, что я немного говорю по-русски, и предложил мне сделать доклад на русском языке, так как большинство сотрудников НИЭИ Госплана, в отличие от специалистов ИМЭМО, не владело английским в достаточной мере.

Из НИЭИ Госплана приехало около десяти человек; шесть человек сели за стол вместе со мной, где сидел – на всякий случай – и переводчик; четверо остальных разместились на диване у окна вдоль стола. Как только я начал докладывать, один из сидящих на диване придвинулся ближе к столу. Вскоре он поднял руку. С понятным трепетом плохо говорящего на русском иностранца, я выслушал вопрос. Однако мои страхи были напрасны – вопрос был любопытный, и заинтересованность получить мой ответ была очевидна. Конечно, это был Юрий. Лекция, которая была рассчитана на час – с 2-х до 3-х – закончилась далеко после 5-ти часов. Мы говорили о всех аспектах моделирования: о потреблении, инвестициях, занятости и т.д. Юрий был активным слушателем и хотел узнать все сразу. Я был рад, что в аудитории оказался такой активный слушатель, а он, похоже, был рад услышать все подробности работы нашей группы на родном русском языке. Однако после более трех часов поисков правильных русских слов и попыток выстроить их в верную грамматическую форму я выдохся.

Помню, мелькнула мысль, а встретимся ли мы снова? Я не представлял, удастся ли мне еще приехать в Россию, и казалось абсолютно невозможным, что Юрий сможет приехать в Америку. Но ситуация изменилась. Юрий и вся исследовательская группа перешла из Госплана в Академию наук. Летом 1976 года в Москве прошло первое двустороннее совещание специалистов США и СССР по применению вычислительной техники в экономике и управлении.

Эта работа стала частью программы разрядки, согласованной между Никсоном и Косыгиным. Меня пригласили в крупную американскую группу, состоявшую (за исключением меня) из знаменитых ученых. Встречался ли я с Юрием во время того визита – я не помню, но вскоре я стал американским сопредседателем программы, главным образом потому, что я был единственным, кто мог хотя бы немного говорить по-русски. Для уточнения дальнейшей работы я вернулся в Москву в октябре 1978 года, и вот тогда мы с Юрием точно встретились. На следующий год, весной, я работал в ПАСА недалеко от Вены, туда же приехал и Юрий. Однажды по дороге домой мы остановились в хозяйственном магазине, чтобы купить лампочек. Магазин поражал разнообразием товаров и сельскохозяйственной техники, а также инструментами обработки дерева и металла. Признаюсь, я и сам был поражен обилием товаров, но Юрий решил, что я зашел в магазин специально и в шутку назвал меня *провокатором!*

Через год – другой мне удалось пригласить Юрия и еще двух коллег к нам в США. Во время этого визита мы решили перевести статью, написанную Юрием на тему учета технологических изменений в моделях «затраты-выпуск». Так как в статье содержалась информация о производстве цветных металлов, получить разрешение на публикацию в американском журнале было не просто. Посланную статью редколлегия отвергла под предлогом отсутствия ссылки на источники информации! Мои увещания не помогли – редактора волновал вопрос подтасовки данных, и он отказывался идти нам навстречу. Много эпизодов того визита осталось в памяти; Юрию особенно нравились поездки в громоздком, мало комфортабельном пикапе с негабаритными шинами, предназначенном для езды по проселочным дорогам и бездорожью.

Юрий искренне верил, что социалистическую экономику можно заставить работать. По мнению Юрия, самая большая сложность заключалась в зависимости покупательной способности рубля от его отраслевой принадлежности. Если рубли принадлежали управленцам оборонной промышленности, на них можно было купить куда больше, чем на рубли руководителя предприятия пищевой промышленности. Министерство обороны

и оборонная промышленность уходили от централизованного планового контроля. Юрий был председателем комитета, созданного Горбачевым для выработки рекомендаций по конверсии оборонной промышленности и по производству товаров народного потребления на оборонных заводах. Кроме председателя в комитет входили три экономиста и три руководителя оборонной промышленности. Стоит ли говорить, что такой комитет принципиально не мог выработать общей линии. Когда представители комитета проводили совещание у Горбачева, три эксперта оборонного ведомства садились по одну сторону стола, а три экономиста – по другую; Юрий располагался на одном конце стола, Горбачев сидел напротив. Экономисты утверждают, что производственные мощности и приоритеты должны быть смещены в сторону производства промышленности товаров народного потребления. Руководители оборонных предприятий – когда Юрий описывал их он откидывался на спинку стула и скрещивал руки на груди, демонстрируя их поведение, говоря, что это были «могучие люди», – утверждали, что именно они должны руководить заводами, расставлять приоритеты и выпускать товары народного потребления. По их мнению, руководители предприятий легкой промышленности просто не знали, как выглядят современные производственные линии, и наладить выпуск нужной продукции те просто не умели. К концу заседания Горбачев вставал на точку зрения экспертов оборонного ведомства. Несколько лет спустя, после распада Советского Союза, Горбачев случайно встретился с Юрием и просто сказал ему: «ты был прав».

Юрий разбирался в тонкостях технологии производства в различных отраслях промышленности лучше, чем любой другой экономист, которого я когда-либо встречал. Его не устраивало описание технологии в табличной форме «затраты-выпуск»; он стремился разобраться в тонкостях производственного процесса как инженер-технолог.

Совсем не хочу сказать, что Юрий был односторонним человеком, которого интересовало только производство и экономика. Он любил русский язык и прекрасно разбирался в русской поэзии.

Он любил мне читать свои любимые стихи наизусть. Его любовь к русской архитектуре была такой же глубокой; он старался,

чтобы и я – глядя на старинные памятники архитектуры – отмечал особенности и ценил работу мастеров. С Юрием и его женой Галиной мы посетили Истру и заехали в Ново-Иерусалимский монастырь; Юрий рассказывал мне о патриархе Никоне так, как будто был лично с ним знаком.

Другой выезд за пределы города закончился тем, что мы заблудились, – как позднее выяснилось – и правильно сделали – так как в поисках дороги мы вышли к Иосифо-Волоколамскому монастырю. Мы посетили Владимир, Суздаль, и Георгиевский кафедральный собор в Юрьеве-Польском – также после того, как поехали не по той дороге. Собственные архитектурные предпочтения Юрия проявились на даче, построенной в Ольгово; дом является наглядным примером лучшей российской традиционной загородной постройки.

Помню, как во время одного выезда за город Юрия укусила собака. То, что произошло после, – дало много пищи для моего аналитического ума! Во-первых, даже в такой ситуации, Юрий не терял чувства юмора. Во-вторых, во время поездки к ветеринару, довольно крупная собака всю дорогу сидела на коленях Юрия, а не на коленях хозяина!

В орбиту нашей дружбы мы вовлекли и семьи. Горжусь, что дети и внуки Юрия зовут меня «дядя Клоппер».

Я не мог поверить в известие о его смерти. Мне все казалось, мы состаримся вместе. Однако судьба распорядилась иначе.

Могу сказать одно: на протяжении многих лет после кончины Юрия для меня было счастьем тесно сотрудничать с его институтом, открыто обмениваться идеями, моделями, методами и информацией с его сотрудниками и отдавать самое лучшее из своих результатов. В конечном счете сам Институт и его работа – это лучший памятник Юрию Васильевичу. Возможность поделиться своим восхищением, уважением и любовью к Юрию Васильевичу с молодыми сотрудниками института, которые его не застали – для меня большая честь.

5 октября 2015 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ. СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА *

Рост национального производства является в любой стране итогом действия множества экономических, социальных и политических факторов. Действие этих факторов в конечном итоге реализуется в увеличении количества ресурсов, вовлекаемых в производство, и повышении эффективности их использования в результате технических нововведений.

Общие социальные и политические *предпосылки экономического роста* выражаются в национальных приоритетах, следуют из того выбора, который сделала нация. Если страна заинтересована прежде всего в наращивании своей военной мощи, то экономический рост не является повсеместным явлением, он происходит за счет концентрации ресурсов на отдельных участках народного хозяйства. Это позволяет решить поставленные задачи, однако с ущербом как для эффективности экономики, так и для социальной справедливости. В модели либеральной экономики с относительно меньшими масштабами централизованной концентрации ресурсов эффективность их использования существенно выше, социальная справедливость ущемляется, но не за счет целевой ориентации в движении ресурсов, а по мотивам рентабельности и эффективности. Наконец, мыслима социально-ориентированная экономика, где достигается оптимум в распределении ресурсов; эффективность и рентабельность их использования не абсолютизируются в ущерб социальной справедливости, при этом сохраняется умеренная социальная дифференциация, обусловленная требованиями эффективности.

Имеющийся опыт, прежде всего, пример Германии и Японии, говорит о том, что страны, живущие по второй модели, не

* Незавершенная рукопись относится к 1995 г. В ней обосновываются приоритеты преобразования структуры отечественной экономики. В современных условиях, когда эти задачи продолжают оставаться нерешенными, основные мысли автора сохраняют свою актуальность.

обремененные подобно США, а тем более СССР в прошлом, высокими военными расходами, добиваются наилучших показателей экономического роста.

Надо заметить, что социальный и политический выбор никогда не бывает однозначным. Применительно к нашей стране в прошлом это, в частности, выражалось в том, что она жила не только по законам первой модели, но одновременно пыталась реализовать принципы третьего варианта экономического развития. Мобилизация ресурсов, по крайней мере, для некоторой части экономики, сопровождалась государственным патернализмом, уравнительными акциями.

Общие предпосылки экономического роста определяются не только социально-политическим выбором, но и целым рядом других условий.

Прежде всего, в этой связи нужно сказать о *ресурсном потенциале* экономики. Наличие или отсутствие потенциала массовых ресурсов: малоквалифицированной рабочей силы, земли, природных ископаемых, если исключить чисто географический фактор, в первую очередь зависит от того реального исторического времени, в котором живет страна. В мировую экономику сейчас входят как те страны, которые уже прошли этап индустриализации, так и те, значительная часть экономики которых – это традиционные секторы с крайне неэффективным производством. Ресурсный потенциал этих стран – это потенциал возможного перемещения ресурсов в современные секторы экономики. Если Россия к настоящему времени уже исчерпала все свои возможности в извлечении ресурсов из традиционной экономики, то в Китае этот процесс еще далеко не завершен.

Еще более важное значение, чем потенциал массовых ресурсов, имеет то относительное место в мире, которое занимает та или иная страна в создании новых технологий и производстве новых видов продуктов. Уже занятые ранее позиции в мировом разделении труда, технологическое лидерство постоянно воссоздают сами себя. В каком-то смысле правы те экономисты, которые считают, что в современном мире бедные бедны, потому что они бедны, а богатые богаты, потому что они уже раньше располагали богатством.

Технологическое лидерство дает безусловные преимущества, связанные с относительно высокой по сравнению с издержками долей добавленной стоимости, имеющей место на первых этапах жизненного цикла новой технологии и нового изделия. Относительно высокие объемы добавленной стоимости (т.е. возможность не только получать высокую прибыль, но и платить работникам высокую зарплату) связаны с ценовыми преимуществами первых партий новых товаров, продажей лицензий и оборудования для выпуска новых изделий. Страны, которые подключаются к выпуску новых изделий и овладению новыми технологиями на завершающем этапе их жизненного цикла, могут иметь уже больший объем выпуска, но значительно меньший объем вклада в национальный продукт. Технологическое первенство самым непосредственным образом трансформируется в экономический рост и является чрезвычайно важным монополизированным ресурсом экономического роста в современном мире.

Из сказанного следует, что ресурсной предпосылкой экономического роста является не приобщение к новым технологиям как таковое, а технологическое лидерство, разумеется, не во всех, но хотя бы в некоторых важных направлениях. Если страна не нашла таких технологических ниш, то она вынуждена идти в арьергарде овладения новыми технологиями и довольствоваться относительно меньшим объемом добавленной стоимости.

Увеличение масштабов вовлекаемых в производство ресурсов по-разному сказывается на *потоках и запасах*. С точки зрения увеличения потоков и запасов, экономический рост может рассматриваться как процесс, итогом которого является не только рост национального продукта, но и рост национального богатства. Увеличение национального продукта, с одной стороны, сопровождается приращением национального богатства: растут производственные мощности, города, но, с другой – ухудшается среда обитания – растительный покров, вода, воздух. Расширение тех или иных видов производства может нанести ущерб здоровью нации. Результирующие потоки, пополняющие национальное богатство, могут возрастать все больше и больше, но при этом масштабы потерь могут приводить к тому, что размеры национального богатства, понимаемого достаточно

широко (включая среду обитания, человеческий потенциал, рекреационные возможности, национальные ландшафты и т.д.), будут убывать. Измеряя национальную экономику в соответствии с концепцией потоков, мы обнаруживаем рост. Однако существуют опасения, что если бы была достаточно развита измерительная концепция запасов, мы получили бы в ряде случаев не рост, а снижение.

Сегодня в соответствии с принятой традицией и имеющимися статистическими возможностями мы живем в мире потоков. Взгляд с позиции национальных запасов может поменять картину. Это существенная оговорка, которую следует иметь в виду, постоянно сознавая всю относительность понятий экономического роста, которыми мы пользуемся.

Последнее замечание касается того, что экономический рост не является абсолютной ценностью экономической политики. Экономическая стабильность, полное использование уже ранее вовлеченных в производство ресурсов являются важными и при определенных обстоятельствах, на относительно коротких отрезках времени, конкурирующими целями. В среднесрочной же и долгосрочной перспективе итоги текущей политики, направленной на создание стабильной и уравновешенной экономики, полное использование задействованных ресурсов можно рассматривать как необходимую предпосылку устойчивого экономического роста.

* * *

Главная цель *структурной политики* в настоящее время — это предупреждение долгосрочной разбалансированности экономики. Именно такая опасность сейчас нависла над народным хозяйством Российской Федерации. Пережив период хаотического спада, мы входим в полосу хронических дисбалансов, что является естественным результатом недопустимо длительной инвестиционной паузы, необратимых негативных сдвигов в производственном потенциале отдельных отраслей. Состояние хронической разбалансированности означает, что в производственной системе страны появляются невосполнимые структурные провалы, за которые она в течение длительного времени будет расплачиваться ограниченными возможностями экономического роста.

Структурное и технологическое неравновесие было постоянным свойством советской экономики. Инвестиционные перегрузки, избыточные затраты первичных ресурсов были прежде всего следствием большого удельного веса низких и средних технологий в гражданском секторе народного хозяйства. Зоны технологических провалов обусловили высокую потребность в сырье, энергии. Сформировался особый механизм поддержания равновесия: особая роль сырьевых отраслей; расточительный путь формирования отраслевой структуры без межотраслевой конкуренции, без свободного возникновения и выбытия фирм. Отказ от этого способа воссоздания отраслевых пропорций – главная причина необходимости перехода к рынку. Поддержание макроравновесия через Госплан исчерпало себя. Переход к рынку обусловлен назревшей необходимостью замены рукотворного поддержания равновесия более гибкими способами. Аргументы, сводящиеся к ущемлению самостоятельности предприятия, – вторичны. Его неэффективность – следствие некоторой народнохозяйственной диспозиции.

Изменение отпускных цен, падение спроса, автономизация сырьевых отраслей разрушила прежний механизм поддержания равновесия, эти отрасли уже не выполняют балансирующей функции. Новое структурное неравновесие – другого рода.

Ограничения со стороны внутреннего предложения, на которые неизбежно натолкнется любое восстановление подавленного сейчас спроса, даже при самой высокой нагрузке на сырьевой сектор не смогут быть компенсированы импортом. При неизбежном в таком случае увеличении инвестиционного бремени нельзя не ожидать одновременно крупных деформаций в инвестиционной и потребительской сфере. Эти деформации должны принять вид как количественных дефицитов, неоправданных локальных вздутий цен, так и качественной деградации.

Высказывается мнение, что основная структурная опасность сейчас – это приобретение страной сырьевого профиля. Это так, пока речь идет о сузившейся экономике. Что же касается экономики, возвращающейся к прежним объемным рубежам, то в обновлении такой экономики у нас нет возможностей для долгосрочной сырьевой ориентации. Попытка пойти

по этому пути связана с появлением хронических дисбалансов и долгосрочной экономической стагнацией.

Существуют временные и ресурсные ограничения в отношении возможностей компенсации внутренних производственных потерь за счет внешних связей. Даже при умеренном росте капиталоемкости добычи сырья возможные масштабы наращивания сырьевого экспорта – величина, несоизмерная с наблюдаемыми потерями в потенциале обрабатывающей промышленности и сельском хозяйстве. Даже удвоенный рост нефтедобычи означает приращение экспортных ресурсов на реально недостижимую величину в 40 млрд. долл., тогда как только возвращение к старым, малодейственным с точки зрения трудовых мотиваций потребительским стандартам требует сейчас приращения фонда потребления (тоже в долларовом выражении) на 240 млрд. долл. Приближение же потребительских стандартов к уровню минимальной современной воспроизводственной значимости, к минимальным требованиям дееспособной экономики означает приращение на величину 500-550 млрд. долл. Это не столь уж гомерическая величина (национальный продукт США сейчас составляет 6300 млрд. долл.), однако по сравнению с масштабом возможных приращений от сырьевого экспорта – это слишком много.

* * *

В условиях спада производства структура экономики адаптируется к чрезвычайным экономическим обстоятельствам. Она адекватна условиям сжатия производства, резкого снижения инвестиционного спроса и падения уровня жизни. В условиях оживления экономики, а тем более ее подъема застывшие структурные деформации становятся непреодолимым препятствием для возобновления экономического роста.

Вопреки распространенным представлениям, что снижение производства сопряжено со структурным оздоровлением, те масштабы падения производства, которыми отмечены события последних лет в российской экономике, в будущем неизбежно будут иметь своим последствием не оздоровление, а деградацию народного хозяйства. Дело в том, что сжатие экономики

имеет свои законы, действие наблюдаемых стихийных процессов имеет свои границы. Неравномерность снижения производства в разных отраслях не носит случайного характера. Сейчас относительно меньшие размеры снижения производства в добывающих отраслях создают возможность поддерживать стабилизационные механизмы, позволяющие в той или иной степени смягчать последствия резкого сброса выпуска в отраслях ВПК, инвестиционного и потребительского комплексов. Сузившийся конечный спрос и его ресурсное обеспечение обрели новые формы сопряженности. Возвращение к старым формам, свойственным ситуации экономического роста, при отсутствии восстановительного потенциала потребует очень больших усилий. Затраты на сохранение уже имеющегося производственного потенциала, безусловно, окажутся многократно меньшими, чем те, которые потребуются при формировании отраслевых пропорций, адекватных вновь начинающемуся росту производства.

Рассмотрим условия и обстоятельства, сопутствующие спаду в комплексе *традиционных промышленных потребительских товаров*. Очевидно, что сокращение производства продовольственных и непродовольственных промышленных товаров – не только составная часть общего спада производства, но и прямое следствие этого спада. Сокращение национального производства всегда высвобождает первичные ресурсы и побуждает к их экспорту даже по заниженным ценам. Снижение внутреннего потребления первичных материальных ресурсов и их нарастающий экспорт – очевидные предпосылки увеличивающихся региональных закупок потребительских товаров и общенациональных акций по их импорту. Деграция легкой и пищевой промышленности – это, таким образом, неизбежный эффект, порождаемый общим спадом производства.

Вообразим теперь некую ситуацию общего производственного подъема, включая расширение энергоемкого, ресурсоемкого инвестиционного потенциала. Внутренний спрос, например, на энергоресурсы может опережать начавшийся рост энергопроизводства, потребуются сокращение экспорта, но его сокращение повлечет за собой ограничение возможностей ввоза потребительских товаров. Если производственный аппарат потребительского сектора, включая производственные мощности,

квалифицированные кадры, определенные научные заделы, не разрушен, то при общей благоприятной конъюнктуре производство в данной группе отраслей постепенно восстанавливается, снижается нагрузка на их импорт, уменьшается настоятельность экспорта энергоресурсов, создается благоприятная возможность для расширения их внутреннего потребления, устраняются препятствия для общего экономического роста.

В противном случае, при разрушении производственного аппарата потребительского сектора, наращивание выпуска потребительских товаров сталкивается с большими затруднениями, сохраняется потребность в их импорте, экспорте энергоресурсов, ограничивающем их внутреннее потребление, сдерживается общий экономический подъем. *Структурные ограничения в области потребительского сектора становятся фактором, сдерживающим общий экономический рост.*

Могут быть высказаны возражения, состоящие в том, что ввозимые зарубежные товары дешевы, их дешевизна сокращает объем необходимого экспорта энергоресурсов и в целом дополнительное приращение производства для экспортных целей будет более выгодным, чем осуществление затрат по сохранению производственного потенциала потребительских отраслей. Это, конечно, не так, поскольку затраты на поддержание некапиталоемких отраслей не могут быть выше затрат на развитие производств с высокой и быстро растущей капиталоемкостью. Остается учет временного разрыва. Сегодня, мол, деньги дороги, завтра будут дешевле, поэтому все же целесообразнее отказаться от сегодняшних затрат, требующих дорогих денег, и полагаться на будущее. Этот вывод, однако, несостоятелен по той причине, что будущие приращения в сырьевых секторах невозможны (в силу нормальных инвестиционных запаздываний) без сегодняшних вложений все тех же дорогих денег, но опять в значительно большем объеме, чем необходимые затраты по сохранению производственного потенциала потребительского сектора.

Итак, применительно к затронутой области существуют достаточно сильные аргументы в пользу структурной политики, направленной именно на предотвращение разбалансированности производства. Селективная структурная политика эффективна лишь на фоне структурной политики, направлен-

ной на сдерживание спада и сохранение производственного потенциала в потребительском секторе. Сокращая объемы внутреннего производства промышленных потребительских товаров за счет недостаточно эффективных подразделений и предприятий данного сектора, не компенсируя это сокращение увеличением выпуска конкурентоспособных изделий внутри страны, мы тем самым делаем ставку на рост инвестиций в сырьевой сектор. Банкротство предприятий легкой и пищевой промышленности на базе анализа той или иной микроситуации может иметь своим результатом деформацию на макроуровне.

* * *

Рассуждая о месте России в мире, мы пользуемся понятиями: национальные интересы, национальные экономические интересы, национальная экономическая политика. Однако в настоящее время и в ближайшем будущем правомерность использования таких понятий проблематична.

Дело в том, что национальные экономические интересы, *национальная экономическая политика* – это не просто благожелания некой группы государственных чиновников, сегодня это может быть только выражение интересов российских производителей. Речь не идет об обязательной тождественности интересов всех и вся, но о существовании некоторого достаточно значительного пересечения интересов, которое и может быть положено в основу единой экономической политики. Сейчас наличие такой тождественности интересов может быть поставлено под сомнение. Дело в том, что у нас имеет место не просто спад производства, но и расчленение единого народнохозяйственного комплекса.

В прошлом деятельность каждой отрасли и ведомства имела определенный функциональный смысл в общей системе производства. Так, топливно-энергетические отрасли выполняли в существенной мере компенсационную функцию в связи с обилием низких и средних технологий, а обилие последних было обратной стороной концентрации высоких технологий в «оборонке».

Статус и приоритет того же Газпрома в условиях автаркии и отгороженности от мирового рынка был невысок. Качество

инвестиционных ресурсов по некоторой условной шкале составляло 1/3 от наивысшего уровня.

Сейчас сырьевые отрасли обрели самодостаточность и имеют автономные интересы. Сильные позиции этих отраслей в условиях дефицита инвестиционного спроса приводят к тому, что именно они становятся центром экономического притяжения. Однако добывающие отрасли – это не тот мотор, который может привести в движение всю экономику. С одной стороны, потолок количественного их роста очень невысок, предельные масштабы роста сырьевых отраслей несоразмерны с масштабами экономики, потребительским стандартом населения. Мы не можем жить за счет сырья. С другой – качественная бедность инвестиционного спроса добывающих отраслей очевидна.

Ориентация на сырьевой сектор означает, во-первых, *застой* экономики, низкий потолок для развития, тесные границы для роста экономики; во-вторых, ее распадение, *анклавизацию*. Сырьевой сектор как центр притяжения сырьевых отраслей чрезвычайно сужает инвестиционную ориентацию, делает ненужными целые машиностроительные отрасли, выживают лишь те, что ориентированы на внешний рынок.

Анклавизированная экономика включает в себя:

- автономные, самодостаточные сырьевые секторы, для которых пространство расширения находится за пределами национальной экономики,
- предприятия обрабатывающей промышленности, не связанные в единый комплекс, а обособленно примыкающие к внешнему миру,
- научные разработки, находящие сбыт за рубежом.

Экономическое пространство, выходящее за пределы ориентированных вовне анклавов, будет являть собой рынок с трудно устранимой патологией. Это будет рынок, наполненный локальными автаркическими образованиями (белые пятна на рыночном пространстве), неблагоприятной средой для развития мелких предприятий, деградирующим сельским хозяйством. Последствия анклавизации – отсутствие единых национальных экономических интересов; частные экономические интересы не имеют единого вектора.

Что касается обрабатывающей промышленности, то сегодня относительно благоденствуют две категории: нашедшие нишу на Западе и те, кто обслуживает инвестиционный спрос банковско-торговой сферы. Деятельность первых становится как бы продолжением мировой экономики на российской территории. Российская экономика с помощью этих предприятий не взаимодействует с мировым хозяйством, а служит лишь плацдармом для реализации внешних интересов. Во втором случае используется энергия распада и прибыли тех, кто накапливал ресурсы за счет инфляционного налога, перераспределения основного в оборотный капитал.

В целом можно говорить о анклавизации российской экономики, т.е. о наличии отдельных очагов процветания или благополучия на общем фоне экономической деградации. Анклавизированная экономика может быть представлена механической суммой интересов, но не какой-то политикой, воплощающей в себе их органический синтез.

* * *

Промышленное производство России распадается на три части: продвинутые технологии («оборонка»), производство оборудования для энергетической и транспортной инфраструктуры, массовое производство техники низкого технологического уровня. Первая часть экономики в настоящее время неизбежно пойдет по пути анклавизации. Но это не может быть масштабным ввиду ограниченности прямого применения оборонных технологий в гражданской промышленности.

Технологическая сопряженность (комплементарность) – важный фактор, диктующий необходимость умеренной автаркии. Опыт СССР, Китая, развивающихся стран свидетельствует о том, что скачки в техническом уровне отдельных предприятий и отраслей так же опасны, как и отставание. Продвинутые предприятия попадают в некую «едкую» для себя технологическую среду, которая обесценивает их относительные преимущества.

Технологическая сбалансированность – это недопустимость не только отставания, вызывающего структурное неравновесие, но и избыточных затрат, по существу порождающих через внешнюю торговлю (импорт техники – экспорт сырья) те же

нагрузки, что и задержки в техническом развитии. Отсюда – высокая эффективность самообеспечения либо же формирование экономических связей с близкими по технологическим характеристикам партнерами.

Анклавизация народного хозяйства как вычленение из экономики некоторых ее продвинутых элементов – альтернатива технологически одноуровневой целостной экономике, для которой характерна умеренная автаркия. Технически продвинутое предприятие, сильно возвышающееся над сложившейся технологической средой, воспроизводится исключительно за счет своих связей с Западом. Продукция экспортируется, импортится оборудование, создаются разного рода фильтры, нейтрализующие тяжелые влияния окружающей среды. Это – в некотором роде уже не часть национальной экономики, а отросток мирового хозяйства. Следствием этого становятся потери: технологическая несопряженность при работе на внутренний рынок, капиталовложения, связанные с импортозамещением (внутреннее производство приравнивается к импорту), создание параллельных производств. Структурные изменения в этом случае определяются внешними факторами, частными конъюнктурными воздействиями.

Другим фактором анклавизации, помимо распавшихся принципов разделения труда, распределения народнохозяйственных функций между отраслями и ведомствами, является тенденция изоляции от деятельности ущербного рынка.

Теория транзакционных издержек гласит: если издержки рыночных взаимодействий велики, то существует тенденция перемещения этих взаимодействий внутрь фирмы. Теория фирмы, объясняемая соотношением уровня внутренних и внешних издержек, проливает свет на создание ФПГ (финансово-промышленных групп) и тому подобных образований.

Наконец, фактор территориальный: изоляция территорий способствует углублению анклавизации.

Чтобы экономика России стала единым целым и можно было говорить о единых экономических интересах, следует не просто ориентироваться на рыночную селекцию (она тоже важна), а создать ценовые и налоговые условия для подъема целых отраслей, включая сельское хозяйство, легкую и пищевую промышленность, жилищное строительство.

Возобновление широкого инвестиционного спроса будет означать действительное сочленение отдельных групп отраслей, и тогда можно будет говорить о национальных интересах и национальной экономической политике.

* * *

Общие выводы из анализа данных о структуре экономики состоят в следующем.

Существующие перепады в техническом уровне могли возникнуть только в экономике, где межотраслевая конкуренция отсутствовала и где распределение ресурсов между отраслями осуществлялось в результате а) административного назначения особых приоритетов и б) плановой реализации некоего механизма поддержания равновесия, точнее преодоления неравновесия, порожденного принятой системой приоритетов. Для такой перенапряженной приоритетами экономической системы были характерны высокие затраты ресурсов, связанные с поддержанием сбалансированности.

Требование перехода к рынку включает поэтому не только создание среды, в которой повышается дееспособность отдельных предприятий, но и условий для конкуренции между отдельными отраслями. Последнее условие, однако, может быть реализовано только в том случае, когда экономика обретет рыночные ориентиры, по крайней мере, лишь после того, как она освободится от внеэкономического пресса. Переход к механизму межотраслевой конкуренции – сильный, может быть, главный мотив рыночных реформ, поскольку сложившийся механизм поддержания равновесия создавал непомерную нагрузку на экономику. Безусловно, неэффективность предприятий вторичнее по отношению к неэффективным способам достижения народнохозяйственного равновесия. В этом смысле рынок как цель встал в повестку дня как некий способ достижения структурного равновесия. Прежний способ исчерпал себя. Он вызвал тяжелый кризис.

Однако структурно сформированная в условиях отсутствия межотраслевых конкуренций экономика не могла быть отдана на произвол стихийному течению событий по двум причинам: а) существуя в условиях искусственного поддержания структурного

равновесия, она сразу не сможет обрести какую-либо ему замену и просто сломается, особенно в части инвестиционных связей; б) целый набор ущербных отраслей, долгое время сознательно ущемляемых, не должен был быть отдан на съедение внешнему рынку.

В экономике с нашими свойствами энергетические отрасли не могут жить сами по себе. У них особая функциональная роль. Должны быть институциональные механизмы, с помощью которых эта роль реализуется. Должны быть обеспечены гарантии поставок на внутренний рынок по приемлемым для отраслей с низкими технологиями ценам, таким ценам, которые позволили бы восстановить платежеспособность обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Мы равны сами себе, и иначе мы жить не можем. Единственно возможный способ функционирования экономики со структурными перекосами и достижения сопряженности – подъем обрабатывающей промышленности, восстановление приемлемых показателей национального производства.

Таким образом, первый структурный приоритет – это восстановление поддерживающих функций добывающей промышленности в экономике, что позволит создать потребительский и инвестиционный спрос, и подъем на этой основе обрабатывающей промышленности. Эти меры нуждаются в институциональном оформлении. Речь идет о какой-то форме национализации сырьевых отраслей, монополии внешней торговли, экспортных тарифах.

Второй приоритет – модернизация производственного аппарата, насыщенного низкими технологиями (заводов сельскохозяйственного и транспортного машиностроения – селекция здесь, а не на «Рыбинских моторах»).

Третий – по логике действий, а не по значимости – восстановление технологического ядра обрабатывающей промышленности.

Четвертый – материальное обеспечение национального потребительского стандарта.

ОБЗОР ВЫСТУПЛЕНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Работа Конференции состояла из трех сессий:

- Анализ и прогноз развития экономики современной России
- Анализ и прогноз развития экономики Китая и перспектив экономических связей с Россией
- Инструментарий моделирования экономического развития и информационное обеспечение прогнозов

Первую сессию открыл *академик РАН В.В. Ивантер* (директор ИНИП РАН). Ключевая идея его доклада – аргументация актуальности идей академика РАН Ю.В. Ярёмченко при анализе текущих проблем российской экономики и разработке предложений по ускорению экономического роста. Прежде всего докладчик отметил, что экономическое прогнозирование – это не предсказание будущей макроэкономической динамики, а сценарные расчеты, призванные обосновать ряд мер, которые могут предпринять экономические власти для улучшения экономической ситуации. В выступлении отмечено, что темпы прироста ВВП в 2015 г. снизились в меньшей степени, чем могли бы, исходя из канонов макроэкономической теории, вследствие «ручного» управления на всех уровнях власти. Это говорит о том, что без применения дополнительных мер государственной поддержки текущая модель развития не может функционировать нормально. При этом основной причиной экономического спада оказались не зарубежные санкции и не падение мировых цен на нефть, а постепенное снижение инвестиционной активности в экономике России, прежде всего, инвестиций и государственных, и публичных компаний с государственным участием, что привело к замедлению динамики ВВП уже в 2013 г., когда цены на нефть достигали 120 долл./барр. При этом апелляцию к неудовлетворительному инвестиционному климату В.В. Ивантер считает не вполне обоснованной. В период экономического роста на российский рынок пришли многие крупные международные игроки (например, в автомобильной отрасли). Однако снижение спроса в

2014-2015 гг. не могло обеспечить получения прибыли бизнесом, что привело к сокращению производства и инвестиций.

Помимо проблем замедления инвестиционной активности, внимание экспертов обращено на необходимость снижения инфляции. В 2014-2015 гг. совокупный спрос сокращался, и согласно экономической теории, должны были снизиться цены. Однако реальная экономическая жизнь показала, что в условиях сокращения спроса, предложение падает быстрее спроса, и бизнес свои доходы восполняет за счет роста цен, что и наблюдалось в период текущего кризиса. При этом В.В. Ивантер не рассматривает инфляцию как однозначно негативный процесс, вопрос в том, какой ее уровень является «безопасным» для экономического роста.

В качестве основного «рецепта» активизации экономического роста В.В. Ивантер предложил задействовать меры по росту инвестиций, отметив, что совпадает с текущей позицией Министерства экономического развития РФ (МЭР РФ). Для этого необходимо нарастить денежную массу, контролируя систему использования кредитов и применяя уже разработанные механизмы (например, проектное финансирование).

Предложения по формированию инвестиционных ресурсов за счет повышения пенсионного возраста и изменения пенсионной системы В.В. Ивантер считает несостоятельными и, более того, ненужными, так как имеются другие источники поддержания уровня инвестиционной активности, в частности, ограниченная целевая эмиссия. При этом эмиссия «под кредиты» не будет опаснее в плане ускорения инфляции, чем эмиссия «под валютные резервы». Одновременно должна проводиться структурная инвестиционная политика (термин введен Ю.В. Ярёмко²), направленная на реальную диверсификацию экономики, которая в свою очередь поможет решить проблему конвертации «денег в ресурсы».

Говоря о современной системе прогнозирования, В.В. Ивантер отметил, что, несмотря на текущие кризисные явления, нельзя отказываться от долгосрочных оценок форсированных сценариев развития российской экономики. Экономические власти

² Ю.В. Ярёмко. *Экономические беседы*. М.: ЦИСН, 1999, с. 308-320.

разработали такой прогноз, оценив необходимый уровень нормы накопления и инвестиций для поддержания уровня динамики ВВП России (в среднем 5% в год), превышающего темпы роста мировой экономики. Однако прогноз не содержал конкретных мер по обеспечению финансирования экономического роста. Специалисты ИНИ РАН в свою очередь оценивают потенциал экономического роста в 6-8% в год в течение 5-10 лет³. При этом кризис 2015-2016 гг. не снижает вероятности реализации этого потенциала, а напротив, повышает ее в силу уменьшения базы сравнения.

Академик РАН А.Г. Аганбегян начал выступление с тезиса о том, что экономическая динамика в последние пять лет определяется последствиями кризиса 2008-2009 гг., когда спад в России был самым глубоким среди наиболее крупных экономик мира: масштаб сокращения ВВП и инвестиций был вдвое больше, чем в кризисном 1998 г., внешняя торговля сократилась на 40%. При этом в результате значительного объема финансирования антикризисных мер и активной государственной политики удалось избежать сокращения реальных доходов населения, роста безработицы, банковского кризиса. Однако изменились глобальные условия функционирования экономики: исчез главный «локомотив» роста – инвестиции. Надеяться на развитие за счет существующих мощностей невозможно в силу ряда причин. Во-первых, велика степень их износа. Коэффициент выбытия фондов сократился до 0,7% в год. За последние пять лет выбыло только 3,5% фондов, а общий износ приближается к 50%, что требует огромных затрат на обслуживание и ремонт оборудования. Во-вторых, в целом за последние восемь лет инвестиции в основной капитал не увеличивались, оставаясь на уровне 2007 г. В результате ввод новых мощностей в 2013 г. (при среднем инвестиционном лаге в четыре года) был рекордно низким. Именно динамика инвестиций определила неблагоприятную ситуацию с замедлением экономического роста, которое было отмечено задолго до введения зарубежных санкций и обвала мировых цен на сырьевые товары.

³ В.В. Ивантер. *Стратегия перехода к экономическому росту // Проблемы прогнозирования. 2016. № 1. С. 7.*

Переход к рецессии стал уже результатом введения санкций и снижения мировых цен на нефть. Докладчик выделил три основных внешнеэкономических фактора, определивших переход к отрицательным темпам роста экономики: ослабление рубля, отток капитала и цены на нефть. По оценкам Bloomberg, 82% девальвации рубля были связаны с падением цен на нефть, тогда как в других странах, добывающих нефть, этот показатель был в 2-3 раза меньше, несмотря на то, что доля добывающего сектора в структуре ВВП значительно выше. Снижение курса национальной валюты привело к росту импортных цен, при том, что импорт машин и оборудования составляет 70% общего объема внутреннего рынка, импорт потребительских товаров – 50%. Кроме того, за последние восемь лет в России наблюдался отток капитала в размере 650 млрд. долл., что в сочетании со снижающимися инвестициями является еще одной причиной недофинансирования экономического роста. Однако отток капитала нельзя назвать однозначно негативным явлением. В 2014-2015 гг. отток капитала был связан с погашением корпоративного внешнего долга, что позволило сократить ежегодную сумму его обслуживания со 150 до 80 млрд. долл. Наконец, снижение цен на нефть как фактор, определяющий переход к рецессии, оказался гораздо более значимым, чем введение санкций.

Одна из главных проблем, ограничивающих возможности экономического роста – рост цен в промышленности, транспорте, строительстве. Попытки Центрального банка ограничить инфляцию путем повышения ключевой ставки докладчик назвал «стрельбой из пушки по воробьям». Рост ключевой ставки привел к тому, что резко сократились объемы кредитования, и банковская сфера впервые стала убыточной. При этом «закредитованность» экономики достаточно высока: при годовой прибыли в 10 трлн. руб. предприятия должны банкам порядка 30 трлн. руб., а домашние хозяйства, взявшие банковские кредиты, до $\frac{2}{3}$ своего дохода тратят на их обслуживание и погашение.

Докладчик обратил также внимание на неудовлетворительную структуру экономики: в структуре ВВП велика доля отраслей, динамика которых замедлена относительно общеэкономической. 85% экспорта составляют топливо, сырье, полуфабрикаты и

материалы, в результате из двигателя российской экономики внешняя торговля нефтью и газом стала тормозом развития.

В заключение А.Г. Аганбегян перечислил основные меры по активизации экономического роста⁴. В ближайшие годы внешнеэкономические условия, по всей видимости, существенно не изменятся: цены на нефть не будут значительно снижаться или расти. Поэтому в экономической политике необходимо форсирование инвестиционной активности до 10% в год. Для этого целесообразно использовать активы банковской системы, величина которых превысила годовой объем ВВП. Резервы для использования этих средств на цели кредитования есть, так как в настоящее время только 1,5% из них направляются на инвестиционный кредит, между тем в среднем в мире этот показатель равен 5-10%, а в развитых странах – 20-50%. Необходимым условием реализации этой стратегии станет снижение инфляции и ключевой ставки, для этого А.Г. Аганбегян предлагает принять президентскую программу. Направить кредитование следует в строительство дорог, жилья, образование, науку.

В докладе *академика РАН А.Д. Некипелова* также рассмотрены вопросы экономической политики в условиях кризиса. Кризис 2008-2009 гг. позволил провести апробацию методов ручного регулирования экономики, на финансирование которых было использовано 200 млрд. долл. валютных резервов, что равно стоимости нефти, добытой в течение полутора лет (для оценки использовался уровень цен на нефть начала 2008 г.). Данная апробация привела к выводу о приемлемости применения таких методов управления экономикой в кризисных условиях. Оказалось возможным избежать тотальных валютных ограничений, напрямую влияя только на продажу валютной выручки 10 крупнейших компаний-экспортеров с государственным участием. По мнению докладчика, в рамках избранной макроэкономической политики, которую проводит в настоящее время правительство (проведение политики свободного курса с целью сохранить валютные резервы), альтернатив не существует. В отсутствие ограничений на движение кратко-

⁴ А.Г. Аганбегян. *Социально-экономическое развитие России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 3-16.*

срочного капитала нельзя снижать процентную ставку, так как это приведет к дезорганизации экономики и оттоку капитала.

А.Д. Некипелов затронул также вопросы налогообложения добывающего сектора, вступив в заочную дискуссию с Министерством финансов РФ. В частности, докладчик обратил внимание на то, что в случае снижения цен на сырье наибольшие убытки несет именно собственник недр, и величина ренты сокращается. Производитель при этом отказывается от тех месторождений, которые становятся убыточными. В этой связи автору не понятна позиция Минфина, который настаивает фактически на сохранении величины ренты, уплачиваемой производителем.

Профессор В.С. Панфилов (заместитель директора ИНП РАН) посвятил доклад обоснованию необходимости структурной политики. В качестве примера приводилась программа Ю.В. Ярёмченко, разработанная в 1980-х годах и состоявшая из трех сценариев: инерционного, инвестиционного и социально-ориентированного с ускоренной структурной перестройкой. В последнем варианте предполагалось приоритетное наращивание инвестиций в человеческий капитал и улучшение структуры экономики, увеличение активной части основных фондов путем сокращения объемов незавершенного строительства. При этом для расширения собственных финансовых ресурсов предприятий, которые можно было бы направить на расширение инвестиционной активности, предлагалось провести денежную и ценовую реформы (одновременное повышение уровня заработной платы и цен), которые позволили бы сохранить средний уровень покупательской способности. Однако такая программа не была осуществлена, а игнорирование проблемы ресурсной обеспеченности при проведении реформ привело к тотальному дефициту, неплатежам, бартеру. В текущей кризисной ситуации, по мнению докладчика, экономические власти вновь игнорируют возможности структурного маневра, придерживаясь «умеренно жесткой денежно-кредитной и жесткой фискальной политики», которая, в конечном счете, имеет не антикризисный, а стабилизирующий характер. Но этого явно недостаточно. Правительство должно решить ряд важнейших задач, среди которых на первое место можно поставить возвращение доверия к национальной валю-

те. Без решения этой задачи невозможно задействовать инвестиционный процесс, так как в условиях высокой курсовой неопределенности крайне трудно оценить прибыльность инвестиций. Для стабилизации курса рубля и активизации экономического роста В.С. Панфилов предлагает проводить более мягкую денежную политику (увеличить денежную базу), одновременно реализуя институциональные реформы в финансовой системе: формирование не только федерального, но и региональных фондов и банков развития, а также расширение долевого финансирования с участием государства.

В.М. Лопухин в докладе обратил внимание на необходимость разработки и реализации государственной инвестиционной программы, обеспечивающей переход на качественную траекторию экономического роста. Основное внимание в этой программе должно быть уделено точечным государственным инвестициям в наукоемкие технологии. Такое финансирование должно стать государственным приоритетом, так как корпорации априори несут более значимые отраслевые, организационные и прочие риски, что увеличивает для них «цену денег» и делает долгосрочные технологические инвестиции нерентабельными.

Вторая сессия конференции, посвященная проблемам развития Китая и перспектив экономических связей с Россией, была открыта вступительным словом **В.А. Ясинского** (директора по аналитике Евразийского Банка Развития), в котором он отметил вклад академика Ю.В. Ярёмченко в развитие российско-китайских связей в области экономической науки. В плане возможностей использования опыта Китая в российской экономике докладчик обратил внимание на перспективность и востребованность идей Ю.В. Ярёмченко о многоуровневой структуре экономики, социальной «пружине» экономического развития и системе противовесов «ведомственному эгоизму».

Ли Шантун (научный сотрудник исследовательского института при Госсовете КНР) выступила с докладом о перспективах экономического развития КНР в 13-й пятилетке и до 2030 г. В современных условиях при разработке долгосрочных прогнозов китайские экономисты в первую очередь определяют глобальные внутренние и внешние изменения функционирования народного хозяйства.

Речь идет о сдвигах в глобальной структуре производства: разделение труда в настоящее время происходит на уровне не отраслей, а отдельных производственных функций; в цепочках создания добавленной стоимости непосредственное производство приносит все меньшую прибыль, тогда как секторы торговли и научного обслуживания становятся все более прибыльными.

Проведение политики реиндустриализации развитыми странами приводит к ускоренному развитию в них средне- и высокотехнологических производств, в то время как развивающиеся страны все в большей мере ориентируются на низкотехнологичные отрасли в силу низкой стоимости собственной рабочей силы.

С точки зрения внутренних изменений в Китае на первый план выходит рост доходов, что в перспективе позволит увеличить внутренний спрос, особенно на услуги. Экстенсивное промышленное производство столкнулось с рядом ограничений (ресурсы, экологическая безопасность), что означает необходимость ускоренного развития сектора услуг и «качественного» развития промышленности. Фактор наращивания экспорта как основной локомотив развития китайской экономики будет терять свою значимость в силу постепенного повышения курса юаня и роста внутренних издержек. Проблема накопления избыточных производственных мощностей как в традиционных (металлургия, производство цемента и т.д.), так и в «новых» отраслях (например, производство фотоэлементов) ставит задачу обеспечения динамики инвестиций, соответствующих темпов роста экономики.

С учетом названных факторов Ли Шангун представила результаты моделирования макропоказателей по трем долгосрочным сценариям развития китайской экономики: инерционному, сценариям высокого и низкого качества экономического развития. При этом «высокий» сценарий предполагает реализацию широкого круга мер по продвижению технологических инноваций, свободному движению факторов производства и их оптимального распределения. Кроме того, в данном сценарии предполагается реализация стратегии сокращения диспропорции в распределении доходов между богатыми и бедными слоями населения во всех регионах страны, а также между государственными и частными компаниями. Обеспе-

ние экологической защиты и устойчивого развития предполагается, в том числе, через введение налога на вредные выбросы, что позволит повысить энергоэффективность и снизить зависимость от экспорта сырья.

Представленные результаты демонстрируют неизбежность замедления экономического роста в Китае по всем трем сценариям, однако для сценария «высокого качества развития», основанного на инновациях и повышении эффективности, это замедление будет менее значительным. При этом прогнозируется, что китайская экономика превзойдет масштабы экономики США в период до 2030 г.

Доклад М.С. Гусева (заведующего лабораторией среднесрочного прогнозирования воспроизводственных процессов ИПП РАН) был посвящен прогнозированию перспектив экономического развития Китая и России. Представленные в докладе результаты были получены с помощью системы моделей мировой экономики, разработанных в ИПП РАН, расчеты по которым проводились в два этапа.

Для каждой национальной экономики в отдельности разрабатывалась межотраслевая модель, в которой динамика экспорта задается экзогенно. На этом этапе в сценарии долгосрочного развития Китая использовалась система предпосылок, во многом сходная с предложенной Ли Шантун. Замедление внешнего спроса со стороны развитых стран (вследствие проведения реиндустриализации, относительного насыщенного внутреннего спроса и долговых проблем) для экономики Китая означает затруднение по поддержанию темпов роста эффективности производства за счет новых зарубежных технологий, покупаемых или привлекаемых для организации экспортных поставок, и необходимость поиска новых источников роста на внутреннем рынке.

На втором этапе результаты расчетов первого этапа по основным странам (Китай, США, Япония, Индия, Бразилия, Россия и др.) использовались как входные данные для модели мировой торговли, которая базируется на межотраслевом балансе мировой торговли, что позволяет автоматически согласовать потоки импорта отдельных стран с потоками экспорта. Основной задачей при разработке модели мировой торговли являет-

ся прогнозирование пропорций, в которых спрос на продукцию отдельных отраслей со стороны населения, государства, инвестиционного спроса и видов деятельности распределяется между производителями в разных странах. Для указанной модели были разработаны четыре сценария: сценарии глобальной интеграции с одновременным проведением реиндустриализации в развитых странах и при условии отказа от реиндустриализации, а также сценарии регионализации с одновременным проведением реиндустриализации в развитых странах и при условии отказа от реиндустриализации.

Сравнение результатов первого и второго этапов расчетов позволяет оценить последствия различных траекторий развития мировой торговли для отдельных национальных экономик. Так, наименьшие потери темпов экономического роста для экономики Китая обеспечивает сценарий глобализации, так как происходит усиление зависимости развитых стран от импорта продукции из развивающихся стран. Для России все сценарии глобализации оказываются менее выгодными, так как растет зависимость внутреннего рынка от импорта промышленной продукции. При этом относительно более выгодным сценарием развития мировой торговли для России является сценарий регионализации и отсутствия реиндустриализации в развитых странах, который предусматривает переориентацию российского экспорта (преимущественно сырьевого) на рынки относительно быстро растущих стран, и сокращение зависимости от импорта за счет снижения материалоемкости.

Профессор А.В. Островский (заместитель директора Института Дальнего Востока РАН) представил доклад о текущем состоянии регионального развития Китая (по данным за 2000-2013 г.) и его перспективах до 2020 г. Анализ проводился для четырех основных регионов: передовые восточные и прибрежные провинции, северо-восточные провинции, в которых сосредоточена «старая» промышленная база, центральные провинции с промежуточным уровнем развития и западные провинции, имеющие наименьшие показатели экономического развития. При этом в настоящее время основной прирост экономики Китая в целом обеспечивается только восточными и прибрежными территориями (их доля в экспорте порядка

80%). В 2000-2006 гг. в КНР были приняты три программы развития регионов с целью сокращения разрыва в их уровне развития. Реализацию этих программ автор признает достаточно успешной. Так, если в 2000 г. средний ВВП на душу населения в целом по Китаю составлял менее 1000 долл./год (293 долл./год в западных провинциях), то в 2013 г. – 6750 долл./год. При этом разрыв в уровне ВВП на душу населения между «богатыми» восточными и «бедными» западными провинциями сократился с 3 до 2,1 раза. Ускоренная экономическая динамика западных регионов стала результатом форсированного развития добывающих производств (природный газ и каменный уголь). По оценкам докладчика, основанным на прогнозах ООН и Центра развития Госсовета КНР, к 2020 г. часть провинций Китая по валовому объему регионального продукта будет сопоставима с ВВП развитых стран (Южная Корея, Канада, Австралия, Нидерланды, ЮАР, Испания), а часть – с ВВП развивающихся стран со среднедушевыми доходами выше среднего. При сохранении курса юаня ВВП на душу населения может составить 8500 долл./год, и Китаю удастся практически повсеместно построить «общество малого благоденствия». Однако реализация этого прогноза будет зависеть от решения таких проблем, как нехватка энергоресурсов; недостаточность финансирования мер экологической защиты; невыполнение плана по расходам на научно-техническое обслуживание, что тормозит переход к более высокотехнологичному производству.

Тему текущих тенденций развития китайской экономики продолжил в докладе *д.э.н. В.Я. Портяков* (заместитель директора Института Дальнего Востока РАН). Он отметил, что экономические успехи КНР во многом были связаны с реализацией продуманной политики изменения пропорций народного хозяйства, которая проводилась в несколько этапов на основе детального исследования реальной структуры производства. Тенденции ближайшего развития китайской экономики состоят в вероятном снижении динамики (с 7 до 5,5% в год) и повышении доли конечного потребления (до 63-64% ВВП) с одновременным снижением доли накопления. При этом китайские экономические власти проводят в настоящий момент ряд реформ, направленных на продвижение принципов рыночной

экономики и повышение открытости экономики, что позволит адаптироваться к ухудшающимся внешним условиям.

Профессор Н.Н. Котляров (руководитель Российско-китайского научного финансово-экономического центра при Финансовом университете при Правительстве РФ) доложил о текущем состоянии и перспективах инвестиционного сотрудничества России и Китая. Актуальность такого сотрудничества, с одной стороны, продиктована ухудшением российских позиций по привлечению прямых иностранных инвестиций, с другой – отвечает интересам модернизации и социально-экономического развития Дальнего Востока. Однако на данный момент прямые китайские инвестиции в российскую экономику составляют не более 5 млрд. долл. в год (для сравнения в Казахстане – 22 млрд. долл.), российские инвестиции в Китай – менее 1 млрд. долл. Неудовлетворительные результаты связаны с недостаточной развитостью транспортной инфраструктуры, а также с некоторыми трудностями адаптации китайского бизнеса к российской законодательной системе, в том числе к ужесточениям миграционного законодательства. По мнению докладчика, такая ситуация требует разработки государственной стратегии развития сотрудничества с КНР, которая была бы интегрирована с уже существующими государственными программами («Стратегия-2020», программа развития Дальнего Востока и пр.).

Заключительная сессия конференции была посвящена разработкам инструментария моделирования экономического развития и проблемам информационного обеспечения прогнозов. **В.В. Семикашев** (заведующий лабораторией прогнозирования топливно-энергетического комплекса ИПП РАН) представил доклад, посвященный разработке системы моделей, которые позволяют формировать взаимоувязанный прогноз мирового спроса на энергоресурсы, их предложения и цен. При этом цены на нефть, газ и прочие энергоресурсы являются не сценарными параметрами, а результатами итеративного расчета в замкнутой системе эконометрических моделей. Расчет проводится в несколько этапов. На первом из них оценивается динамика мирового спроса, которая определяется темпами развития мировой экономики и увеличением численности населения. На втором этапе прогнозируется потенциальный уро-

вень предложения по широкому набору месторождений, который определяется исходя из информации о запасах и ресурсах, а также особенностях их технологического освоения. Типы месторождений ранжируются по уровню себестоимости добычи, и наиболее «дорогие» не включаются в мировой энергетический баланс, так как «отсекаются» ограниченными возможностями по наращиванию спроса. Третья часть системы моделей – расчет цен на энергоресурсы, который осуществляется в два этапа. На первом этапе оценивается коридор цен, нижняя граница которого определяется уровнем предельных затрат на добычу на наиболее дорогостоящих месторождениях, а верхняя – ценовым диапазоном, при превышении которого целесообразен переход на альтернативные топлива, а также уровень платежеспособности мировой экономики, который был определен как 3% ВВП. На втором этапе расчета цен на энергоресурсы, динамика внутри полученного коридора цен определялась через связь с уровнем накопленного профицита (дефицита) предложения.

Профессор Клоппер Алмон (Университет штата Мэриленд, США) выступил с докладом о развитии межотраслевых моделей типа INFORUM, которые широко используют эконометрику и межотраслевой анализ для описания функционирования экономики не только на макроэкономическом⁵ уровне, но и отдельных отраслей и продуктов. Первая модель такого типа была разработана докладчиком в 1961 г. В дальнейшем развитие INFORUM-моделей происходило в нескольких направлениях: прогнозирование потребительских расходов по видам товаров (в том числе в зависимости от потребительского поведения различных возрастных групп); построение уравнений для инвестиций, в которых использовались данные на уровне отдельных компаний для того, чтобы определить степень влияния инвестиций в основной капитал на изменение технологий; развитие блока расчета национального дохода, позволяющего рассматривать модель как модель делового цикла с заданными налоговыми ставками или с налоговой ставкой, обеспечивающей целевой уровень занятости. Кроме того, в

⁵ К. Алмон. *Межотраслевые модели INFORUM: происхождение, развитие и преодоление проблем* // *Проблемы прогнозирования*. 2016. № 2. С. 3.

Университете штата Мэриленд было разработано программное обеспечение (G7 и Interdyme), позволяющее использовать, помимо многих стандартных эконометрических методов, возможность наложения мягких ограничений на коэффициенты регрессии, что придает их значениям больший экономический смысл. Следующим этапом развития моделирования в логике INFORUM стало создание модели двусторонней торговли для соединения моделей различных стран.

Доклад включал также обзор моделей вычислимого общего равновесия и динамических стохастических моделей общего равновесия. По мнению К. Алмона, эти модели имеют пока более теоретический, чем практический характер. В то же время, автор делает вывод о том, что модели типа INFORUM представляют собой реалистичное описание экономики и обеспечивают достаточно уровень подробности, чтобы представлять интерес для бизнеса и государственных управляющих органов. Указанные модели способны работать в режиме бизнес-циклов или, за счет выбора определенной экономической политики, в сбалансированном режиме роста. Они являются более гибкими и реалистичными, чем модели вычислимого общего равновесия, более подробными, чем динамические стохастические модели.

Профессор Э.Ф. Баранов (НИУ ВШЭ) затронул два вопроса: информационное обеспечение межотраслевого моделирования и его методика в настоящее время. Первый вопрос для российских исследователей актуален, так как единственная базовая таблица «затраты-выпуск» была рассчитана для 1995 г., при этом использовалась номенклатура отраслей, применяемая в советской статистике. Что касается методологии, автор обратил внимание на то, что в современных исследованиях в основном используются таблицы типа «отрасль на отрасль», а не «продукт на продукт», в каком виде их использовал В.В. Леонтьев, либо симметричная матрица «затраты-выпуск» генерируется расчетным путем из таблиц ресурсов и таблиц использования, что приводит к целому ряду ошибок. В этой связи докладчик призвал использовать советский опыт построения матриц типа «продукт на продукт», а также подчеркнул, что наиболее продуктивным направлением макроэкономиче-

ского прогнозирования является сочетание межотраслевого и эконометрического моделирования.

В.А. Сальников (заместитель руководителя Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП)) в своем докладе также затронул вопрос информационного обеспечения прогнозирования развития реального сектора. В частности, докладчик обратил внимание на неудовлетворительный уровень точности оперативных данных Росстата (особенно на отраслевом уровне), который зачастую связан с ограниченным набором товаров-представителей для целого ряда видов деятельности. Второй аспект выступления – возросшая неопределенность будущего развития мировой экономики, связанная с активизацией геополитического и технологического факторов, и влияние этой неопределенности на качество прогнозов развития российской экономики и возможность прогнозирования ее перспективной динамики.

Проблемы информационного обеспечения в прикладных региональных исследованиях были рассмотрены **д.э.н. Н.Н. Михеевой**. Докладчик отметила отсутствие современных разработанных Росстатом региональных межотраслевых балансов. Их расчет ведется только ограниченным кругом научных организаций (СОПС, ИНП РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН). Кроме того, использование прикладных региональных моделей часто остается абсолютно формальным, не включающим анализа различных сценариев регионального развития. При этом докладчик отметила рост востребованности качественных региональных прогнозов со стороны крупного бизнеса, банковского сектора и экономических властей в связи с актуальностью количественного обоснования эффективности крупных инвестиционных проектов.

Профессор А.О. Баранов (Новосибирский государственный университет, научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН) представил разработанную в ИЭОПП систему комплексного анализа межотраслевой информации (КАМИН). Указанная система состоит из ряда блоков: использования ВВП с распределенным строительным лагом (с выделением выпуска фондосоздающих отраслей), прогнозирования отрас-

левых индексов цен, финансовых потоков, блока прогнозирования эколого-экономических процессов, прогнозирования бюджетных доходов и расходов, платежного баланса. При этом в основе указанной системы лежат процедуры нечеткой корректировки и нечеткого согласования. Среди наиболее актуальных исследований, проведенных на основе модели КАМИН – анализ влияния динамики денежной массы на общеэкономическую динамику, который привел к выводу о том, что невозможно вывести экономику России из кризиса, сжимая денежную массу и удерживая процентные ставки на высоком уровне. Нарастивание денежной массы и снижение ставок позволит расширить производство, с другой стороны, денежная масса – статистически значимый фактор для динамики цен в экономике России, однако она определяет прирост цен только на 20–25%, в остальном инфляция определяется немонетарными факторами (инфляционные ожидания, тарифы естественных монополий и др.). Таким образом, А.О. Баранов констатировал эффективность смягчения денежно-кредитной политики при относительно низких рисках для увеличения инфляционного давления.

Доклад *академика РАН С.Ю. Глазьева* (Советник президента РФ) был посвящен проблемам прогнозирования денежно-кредитной политики. Первая часть доклада касалась текущих негативных процессов реального сокращения денежной базы (на 29% за последние 4 года) и соответствующего сжатия монетизации экономики. При этом опыт 1990-х годов показывает, что если уровень монетизации опускается ниже 35% ВВП, то возрастают риски перехода в расчетах к денежным суррогатам (бартер, векселя и др.) и расстройство нормального денежного обращения. Такие перспективы требуют построения моделей, способных прогнозировать нелинейные и дискретные процессы. Кроме того, по мнению автора, современные модельные построения должны учитывать поведение предприятий как реального, так и финансового сектора. Вторая часть выступления содержала предложения по активизации экономического роста с помощью изменений в денежно-кредитной политике. Как отметил автор, эмпирические данные указывают на то, что расширение денежной базы снижает инфляцию, так как существует потенциал наращивания произ-

водства, на это указывает, например, современный уровень загрузки мощностей, который составляет в целом по экономике 60%. При этом ключевым вопросом моделирования становится понимание структуры денежного обращения. До введения санкций эмиссия осуществлялась «под иностранные кредиты и инвестиции». До 5 трлн. руб. валютных и рублевых РЕПО направлялось в коммерческие банки, которые использовали их для покупки валюты. В результате, реальный сектор фактически не получил доступа к указанным денежным средствам. Докладчик предложил создать многоканальный механизм кредитования в режиме медленного обращения денег. Основными каналами эмиссии в предложенной схеме должны стать финансирование Центробанком государственных программ, малого и среднего бизнеса, ЖКХ и капитального строительства, программ импортозамещения. Посредниками между Центробанком и реальным сектором становятся уполномоченные банки, которые должны контролировать направление использования средств.

Заключительным выступлением стал доклад *А.А. Широ́ва* (заместитель директора ИНП РАН) о проблемах межотраслевого моделирования и прогнозирования в современных условиях. Докладчик отметил, что прогноз является важнейшим элементом обоснования экономической политики, при этом актуальность реализации структурной политики требует создания системы моделей, основывающейся на современной инструментарии межотраслевого анализа и прогноза. Такая межотраслевая модель должна удовлетворять целому ряду требований. Модель должна: быть моделью равновесия; в качестве экзогенных переменных включать в первую очередь параметры экономической политики; обладать хорошими прогностическими способностями, в частности, хорошо описывать ретроспективу и особенности современной экономической ситуации; учитывать ресурсные ограничения, в том числе ограничения по факторам производства; содержать элементы межотраслевых взаимодействий (т.е. некоторые наиболее значимые элементы первого квадранта МОБ должны быть расчетными)⁶.

⁶ *А.А. Широ́в. Многоуровневые исследования и долгосрочная стратегия развития экономики. М.: МАКС Пресс, 2015. 264 с.*

При этом диапазон решаемых с помощью моделирования задач достаточно широк: оценка влияния изменения тарифов естественных монополий, оценка изменений в структуре экономики, оценка вклада отдельных отраслей в экономический рост, оценка структуры и эффективности затрат, согласование параметров развития отдельных секторов экономики, оценки изменения спроса на ключевые виды ресурсов.

*(Обзор подготовила
К. Савчишина, ИИП РАН)*

* * *

В целом *представленные на конференции доклады* затронули весьма широкий спектр настоятельных экономических проблем: анализа текущих тенденций и стратегии развития российской экономики, вопросы экономического сотрудничества с Китаем, проблемы межотраслевого и регионального анализа и прогнозирования, вопросы разработки межотраслевого инструментария прогнозирования и международного опыта построения межотраслевых моделей.

По многим из названных проблем исследовательские подходы Ю.В. Ярёмченко сегодня остаются актуальными для разработки современной стратегии экономического развития России, обоснования направлений структурной политики, формирования прогнозных сценариев и межотраслевых расчетов

Участники конференции пришли к консенсусу в вопросе необходимости и актуальности разработки новой структурной политики в России и стратегии перехода к экономическому росту.